

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

(ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК)

МОСКВА

ФУНКЦИИ СТРЕЛ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ИНВЕНТАРЕ “ДРУЖИННЫХ КУРГАНОВ”

© 2004 г. А. А. Фетисов

Российский Государственный Гуманитарный Университет, Москва

Вопросы, связанные с кругом дружинных древностей, в отечественной науке сегодня очень актуальны в силу неразрешенности многих из них. Одной из важных задач остается выделение критериев “дружинных курганов”. При том, что круг этих памятников уже определен и материалы “дружинных курганов” используются исследователями, их устойчивые признаки не ясны. Те или иные курганы относят к кругу “дружинных”, как правило, из-за присутствия оружия или элементов “дружинной культуры” (детали поясной гарнитуры, торговый инвентарь, вещи скандинавского происхождения и др.) в погребальном инвентаре.

Оружие в инвентаре погребения – один из самых ярких социальных индикаторов. Именно поэтому предметам вооружения при определении “дружинного” погребения традиционно отводится ключевая роль.

Говоря о социоинформативности погребального памятника, необходимо отметить, что погребальная обрядность отражает не столько объективную реальность, существующую в обществе, сколько представление общества об этой реальности (Ольховский, 1995. С. 91; Петрухин, Раевский, 1980. С. 31).

Среди дифференцирующих признаков, характеризующих погребальные комплексы, можно выделить такие элементы, которые трактовались самим обществом в качестве социальных индикаторов, призванных отразить существующие социальные концепции (Петрухин, Раевский, 1980. С. 32). Предметы вооружения в погребении показывают то место, которое занимал погребенный в социальной концепции общества, члены которого сочли необходимым сопроводить погребение оружием. Оружие здесь выступает как некий “символ”, социальный маркер “дружинного” погребения.

Не род занятий, а именно место, занимаемое в социальной концепции общества, определяют присутствие оружия в “дружинном” погребении. При этом остается ряд вопросов, требующих разрешения: любые ли предметы вооружения в погребении определяют его как “дружинное”, и можно ли выделить какой-то набор предметов вооружения, достоверно маркирующий “дружинное” погребение?

В данной работе будут рассмотрены возможные функции стрел в погребальном инвентаре “дружинных курганов”.

Выделение погребений, в которых из оружия присутствуют только стрелы, в отдельную условную группу продиктовано тем положением, которое сложилось в отношении критериев “дружинных курганов”. Присутствие предметов вооружения в инвентаре, как уже было сказано, традиционнс дает исследователям основание определять погребение как “дружинное”. Стрелы же являются самым спорным элементом при таком определении: можно ли относить к “дружинным” погребение, содержащее в инвентаре из предметов вооружения только стрелы? Если стрелы в таких погребениях не маркируют захоронение дружинника (или человека относящегося к дружинной среде), то какое значение они здесь имеют? Являются стрелы в данном случае социальным индикатором или же выполняют иные функции?

При исследовании “дружинных” погребений эти вопросы достаточно важны, так как погребения с одиночными стрелами составляют большой процент от общего количества погребений с оружием.

В историографии неоднократно высказывалось мнение, что такая категория оружия, как стрелы, не является сама по себе признаком “дружинного” погребения. Об этом говорил А.А. Горский, отметив, что если находки в погребениях мечей, копий, топоров и других определенно указывают на принадлежность погребенного к дружине, то “менее обосновано отнесение к дружинным погребений, в которых обнаружен такой тип оружия, как стрелы (если наконечники стрел не сочетаются с другими видами вооружения)” (Горский, 1989. С. 28).

Подобную точку зрения сформулировала и Т.А. Пушкина. Рассматривая случаи сочетания торгового инвентаря и предметов вооружения в погребениях Гнездова, она отметила, что при таком сочетании большинство погребений нельзя атрибутировать как воинские, поскольку комплекс вооружения чаще всего представлен 1–2 стрелами (Пушкина, 1990. С. 234).

В отечественной историографии существовал и противоположный взгляд на стрелы в погребальном инвентаре. О большом значении стрел при выделении "дружинных курганов" говорил еще в 1960-х годах М.Х. Алешковский, привлекая для этого текст договора с греками 944 г., где стрелы упоминаются в клятве руси. Он также отмечал, что "часто стрелы являются единственным видом оружия в дружинном погребении..." (Алешковский, 1960. С. 88–90).

Д.И. Блифельд также, вероятно, считал, что стрелы могут являться единственным видом оружия в инвентаре дружинного погребения в том случае, если они сочетаются с предметами "дружинной культуры". Судя по всему, именно на этом основании он относил в Шестовицком могильнике к дружинным те погребения, которые из предметов вооружения содержали только стрелы (Блифельд, 1977) (как правило, по две) и предметы "дружинной культуры" (кург. № 10, 15, 18, 38/2, 40, 102, 144).

При рассмотрении погребальных комплексов, содержащих из предметов вооружения только стрелы, удалось составить выборку как по материалам "дружинных центров", так и по материалам менее представительных дружинных памятников на различных территориях.

Необходимо отметить хронологический разрыв между группами выделенных нами памятников. Если материалы "дружинных центров" (Гнездово, Шестовицы, Киев и др.) относятся к периоду конца IX в. (Плакун) конца X в., то представленные в нашей выборке погребения "сельских" могильников (на территории древлян, Волыни, Северо-Западной Руси) и курганы Приладожья относятся к XI в. (реже – к концу X в.). Эта хронологическая разница подразумевает не только разные этапы социально-политического развития, но и разные этапы развития курганных древностей.

В Гнездово из 101 кургана, содержащего погребения с предметами вооружения, 49 курганов содержат в инвентаре из оружия только стрелы (Каинов, 1996). В нашей выборке использованы только опубликованные комплексы (Сизов, 1902; Спицын, 1905; Авдусин, 1952; 1957; 1970; Камеицкая, 1991; Ширинский, 1999).

В Шестовицах известно 7 погребений интересующего нас характера, из 30 курганов, определенных Д.И. Блифельдом как "дружинные" (3 из них являются кенотафами, два из которых содержат захоронения коня) (Блифельд, 1977. С. 92–99).

В Киеве, по материалам М.К. Каргера, известны 3 погребения из 22, содержащих оружие в инвентаре или содержащих камеру (Каргер, 1958) (погребения № 37, 106, 121). На правобережье Днепра известны 6 погребений, содержащих в инвентаре из предметов вооружения только стрелы (Быково, Белев, Теремно, Горка Полонная)

(Мельник, 1902. С. 527–532, 553, 563, 564; Антонович, 1893. С. 43, 44).

Одно погребение, содержащее стрелу, известно на могильнике Плакун (Назаренко, 1985. С. 165–169), и 14 курганов со стрелами известны в Юго-Восточном Приладожье (см. Приложение; нумерация приладожских курганов дана по С.И. Кочкуркиной), где насчитывается 72 кургана, содержащих предметы вооружения (Кочкуркина, Ливневский, 1985; Кочкуркина, 1989).

В могильниках Ярославского Поволжья известны 19 погребений с одиночными стрелами (Ярославское Поволжье..., 1963). В некрополе Пскова известны два интересующих нас кургана (Лабутина и др., 1981. С. 74; Милютина, 1996. С. 159).

Также в нашей выборке представлены погребения "сельских" могильников, лежащих в стороне от торговых путей и раннегородских центров (Грехов Ручей, Павлов Погост, Калихновщина, Демьянка, Гуцин (см. Приложение)). При анализе материалов погребений выборки, естественно, необходимо будет учитывать их хронологическую, региональную и социальную специфику.

В рассматриваемой выборке (103 захоронения в 102 курганах) представлены погребения конца IX–XII в.

По обряду захоронения в большинстве случаев погребения со стрелами – это кремации (63%), ингумации составляют 31% (в 6% случаев способ захоронения неопределим либо информация о нем отсутствует). Половозрастная принадлежность погребенных принимается на основании указаний авторов раскопок или в тех случаях, когда о ней однозначно свидетельствует погребальный инвентарь. В связи с этим важно отметить, что восемь погребений со стрелами в нашей выборке являются женскими (Горка Полонная № 7; Белев № 33; Плакун № 6 (Стальсберг, 1998. С. 279); Ганьково № 448; Вахрушево-2 № 608; Тимерево № 302 (предположительно); Петровское № 73/2, Михайловское № 12/1938), причем только в одном случае женщина похоронена вместе с мужчиной (Петровское № 73/2); и два погребения предположительно являются детскими (Гнездово Польш-6 и Польш-18).

Характер сопутствующего инвентаря в интересующих нас погребениях далеко не всегда способен помочь атрибутировать их как воинские или какие-либо другие. Одиночные стрелы сочетаются с самыми разнообразными категориями предметов. Это и предметы "дружинной культуры" и разнообразные бытовые предметы.

В Гнездово по материалам нашей выборки одиночные стрелы чаще всего сочетаются с такими категориями предметов как гири (8 случаев сочетания), ледоходные шипы (8 случаев), ножи (8), детали поясной гарнитуры – бляшки (7), пряжки (8), наконечники пояса (4), поясные кольца (3), гвоз-

ди (8), пуговицы (6), кресала (5), оселки (4), фрагменты костяных гребней (4), подковообразные фибулы (4). Реже (от 1 до 3 случаев сочетания) встречаются различного рода оковки и обоймицы, фрагменты дирхемов, железные заклепки, костяные острия, фрагменты цепочек, игральные пашки, оковка ларца, бубенчик, ключ, ручка от шкатулки.

В Шестовицах преобладает сочетание стрел с деталями поясной гарнитуры – поясные бляшки (4 случая), наконечники пояса (3); из других категорий предметов встречаются гирьки (2), оселки (2), пуговицы (2), ножи (2), части конской сбруи (удила (1) и фрагмент уздечки (1)), а также (по одному случаю): височное кольцо и лунница (в парном погребении), кресало, ножницы, серебряное кольцо, бусина, фрагменты костяной орнаментированной пластины, ушко от ведра. Материал трех погребений Киева (№ 37, 106, 121) малоинформативен, поскольку происходит из разрушенных курганов.

Погребения со стрелами Волыни в большинстве своем безынвентарны (см. ниже) и более поздние (XI в.).

В интересующих нас курганах Приладожья (включая Плакун) стрелы сочетаются с ножами (8 случаев), кресалами (3), браслетами (3) и перстнями (3), встречаются также (1–2 случая сочетания) гривны, монеты и монеты-подвески, бубенчики, подковообразные фибулы и фрагменты костяных гребней, лунница, ладейная заклепка, височное кольцо, бисер, фрагменты цепочки, наконечник пояса, пряжка, поясные кольца, бусы, щитообразная подвеска.

В могильниках Ярославского Поволжья стрелы в погребениях сочетаются с ледоходными шипами (7 случаев), ножами (6), фрагментами костяных гребней (6), бусами (в парных погребениях) (6), глиняными лапами (5), ключами (4), деталями поясной гарнитуры – поясные бляшки (2), наконечник пояса (1), пряжки (3), гвоздями (3), гирьками (3). Встречаются также (от 1 до 2 случаев сочетания) пуговицы, фрагменты замков, лодочные заклепки, астрагалы бобра, бубенчики, оселок, ножницы, обломок косы, фрагменты обоймы и оковка, фибула с длинной иглой, женские украшения (шумящие привески, височное кольцо, овальная фибула).

В связи с подавляющим преобладанием кремаций не удастся выявить какие-либо закономерности в расположении стрел относительно погребенных или предметов погребального инвентаря.

Для решения поставленной задачи необходимо определить, каким образом стрела входила в символическую систему раннего средневековья, могла ли она выполнять какие-либо обрядовые функции и каково было ее знаковое содержание¹. Для осве-

щения этих сюжетов необходимо обратиться в первую очередь к письменным и этнографическим источникам, которые дают возможность разделить знаковое содержание стрелы на два крупных блока:

1. Стрела как элемент мифологических языческих обрядов.

2. Стрела как “социальный” символ, входящий в качестве предмета вооружения в общую символику “дружинной культуры”.

Мифологическое, обрядовое содержание стрелы связано в первую очередь с языческими представлениями о магических функциях острых железных предметов.

Языческий обряд с использованием стрел описывает Константин Багрянородный в 9-й главе “Об управлении империей” у росов, спускающихся по Днепру до острова Хортица: “На этом острове они совершают свои жертвоприношения, так как там стоит громадный дуб: приносят в жертву живых петухов, укрепляют и стрелы они вокруг [дуба], а другие – кусочки хлеба, мясо и что имеет каждый, как велит их обычай” (Константин Багрянородный, 1989. С. 49). В данном случае стрелы, втыкавшиеся по кругу, ограждали сакральную территорию, на которой совершался ритуал. Важно также отметить, что дуб традиционно считается деревом громовника Перуна, а стрелы – его основным атрибутом и оружием (Иванов, Топоров, 1974. С. 85, 86).

Традиционно в обрядах в качестве основных носителей магических свойств выступают металлические предметы, имеющие какие-то острые или режущие части (топоры, серпы, косы, сошники, ножи). Их использование в обрядах связано с представлениями о символической “железной ограде”, которая образовывается путем каких-либо действий с острыми металлическими предметами. Формируется пространство, ограниченное “железной оградой” и ставшее вследствие этого недоступным для проникновения враждебных чело- веку сил.

Н.А. Макаров показал, что подобный обряд использовался на Руси при сокрытии клада (Макаров, 1981). Во многих кладах на древнерусской территории помимо собственно серебра находят- ся различные “посторонние” предметы. В качестве примера Н.А. Макаров называет гнездовский клад 1867 г., в который был помещен клинок меча², в киевском кладе горшок с вещами стоял на топоре, в клад у дер. Терехово Болховского уезда был помещен железный сошник (Макаров, 1981).

² Как показала Т.А. Пушкина, меч не входил в состав клада (Пушкина, 1998. С. 372–374). Однако необходимо отметить, что в состав гнездовского клада 1993 г. входил нож. (Клад был плотно уложен и, вероятно, завернут в бересту. Нож был воткнут в этот сверток сверху (Пушкина, 1996. С. 171).)

¹ Методика изучения знаковых аспектов предметов в культуре разработана в этнографической литературе (Байбури, 1981; Топоров, 1989).

С. 262, 263). Использование этих предметов при сокрытии клада, по предположению Н.А. Макарова, происходило следующим образом: укрываемое имущество очерчивалось топором, ножом или сошником, в результате чего клад заключался в магический круг, недоступный либо посторонним людям, либо враждебным потусторонним силам. Причем, что особенно важно, этот же предмет помещался затем и в сам клад.

Как показывают этнографические материалы, подобная символическая защитная “железная ограда” использовалась и во многих других обрядах. Еще в XIX в. она применялась при борьбе с болезнями в Вологодской губ. Вокруг дома, где жил больной, обходили трижды с железной сохой, бороздя землю. При этом считалось, что болезнь не сможет перейти за черту обхода (Иваницкий, 1890. С. 113).

Феномен “железной ограды” использовался в XIX в. и в погребальном обряде. В той же Вологодской губ. при прощании с покойником один из родственников обходил три раза гроб с топором в руках, держа его лезвием вперед (Иваницкий, 1890. С. 115) и создавая таким образом замкнутое магическое пространство.

Так же “железную ограду” использовали карелы, чтобы обезопасить себя во время святочных гаданий: вокруг себя они очерчивали замкнутую окружность косой, топором или ножом (Лавонен, 1977. С. 76).

Этнографический материал народов азиатской части России, где семиотический статус стрелы был гораздо выше и как бытового предмет они существовали дольше, дает нам множество примеров использования стрелы в обрядовой сфере.

Алтайцы, чтобы отгонять нечистые силы, похищающие младенцев, кладут в люльку плетень, стрелу и колючее растение. С этой же целью в люльку часто помещают и другие острые предметы, например нож или ножницы. Буряты кладут овечьи ножницы и в пустую люльку – в этом случае злой дух не может занять люльку младенца, как бы “выместив” его (Веселовский, 1921. С. 277). Н.И. Веселовский предполагал, что на Руси также клали острые железные предметы в люльки к младенцам для защиты от нечистой силы (Веселовский, 1921. С. 278).

Стрела в Северо-Восточной Азии также использовалась при похоронных обрядах. Когда покойника у северных бурят доставляли к месту сожжения, одну стрелу из его колчана выстреливали назад; по возвращении эту стрелу брали с собой в дом. “Едва ли можно сомневаться, – пишет Н.И. Веселовский, – что в переднем пути стреляют назад с целью отогнать злого духа, который... следует за похоронной процессией сзади” (Веселовский, 1921. С. 287).

Стрела также активно используется в свадебных защитных обрядах. На свадьбе у северных бурят в столб юрты, где проходит торжество, втыкается стрела для защиты новобрачных от потусторонних сил. Иногда в этом ритуале стрела заменяется ножом (Хангалов, 1891. С. 164).

Большинство защитных действий со стрелой в свадебных обрядах производится с невестой. В случае отсутствия жениха на свадьбе его место занимает стрела; невеста в свадебном шествии в этом случае несет стрелу, поскольку она мешает злым духам занять место жениха (что переключается с обычаем помещать в пустую люльку ножницы для “закрепления” этого места за младенцем).

Обилие сходных, зачастую практически идентичных обрядовых действий, имеющих одну основу (защита от потусторонних сил с помощью острых металлических предметов), позволяет говорить о единстве и общих корнях этих представлений у разных народов, что делает приводимые аналогии вполне правомерными.

“Социальная” (условно) символика стрел гораздо менее разнообразна. Это обусловлено тем, что “социальный” аспект значения стрелы можно проследить только по аутентичным письменным источникам и данные этнографии здесь неприменимы. По письменным источникам удалось проследить несколько случаев, когда стрела выступает как знак.

В первую очередь – это “ратная стрела”, которая упоминается в скандинавских источниках и является символом войны. “Ратная стрела” упоминается в “Саге об Эгиле” и в “Саге о Йомсвикингах”, а также дважды в “Круге Земном” в сагах о Хаконе Добром и об Олаве сыне Трюгтви. “Ратная стрела”, вероятно, представляла собой стрелообразную палочку, которая рассылалась по землям для оповещения о начале войны и для сбора войск.

Судя по всему, “ратная стрела” появилась еще в родовом скандинавском обществе и рассылалась бондами как знак созыва на тинг (Гуревич, 1999. Т. 1. С. 93), а позже перешла в раннегосударственную символику как знак для сбора войск.

Сложно сказать, насколько символика “ратной стрелы” может соотноситься с древнерусским материалом, но, учитывая активный скандинавский компонент в “дружинной культуре” Древней Руси, “ратную стрелу” как социальный символ необходимо учесть.

Присутствие стрел в собственно древнерусской дружинной символике можно проследить по материалам русско-византийских договоров X в. В формуле “клятвы русов” неоднократно упоминается оружие, на основе которого осуществляется сама клятва. Среди этого оружия присутствуют и стрелы.

Клятва Руси, приведенная в Повести временных лет, судя по всему, имела устойчивую формулу, которую Русь использовала при заключении договоров. Один из элементов этой клятвы – предметы вооружения – были представлены определенным и всегда последовательным набором: щиты, мечи, стрелы (“и иное оружие”). Естественно, выделение именно этих предметов вооружения не было случайным: участвуя в клятве, они “легитимизировали” ее вместе с Перуном и Волосом (другими обязательными элементами клятвы Руси). Оружие в клятве имеет своеобразные карательные функции. Смысл клятвы оружием заключается в том, что Русь в случае нарушения договора признает для себя в качестве наказания смерть от собственного оружия (т.е. – от оружия, перечисленного в клятве). “...Да не ущитятся щиты своими, и да пощечены будут мечи своими, от стрельы и от иного оружия своего...” (Повесть временных лет, 1996. С. 24).

Учитывая тот факт, что первоисточником наказания в клятве является в первую очередь Перун, к авторитету которого обращается Русь, то набор оружия, которым могут быть наказаны клятвоступники, так же приобретает сакральный характер, т.е. можно предполагать определенную сакрализацию стрел (боевого оружия) как одной из частей языческой клятвы.

Говоря о “социальной” символике стрел, можно отметить, что в большинстве случаев они не выступают как самостоятельный символ и всегда связаны с различного рода ритуалами стрельбы из лука. Такие ритуалы связаны с властной элитой и имеют определенный “политический контекст” (коронационный ритуал, утверждение сакрального могущества и др.). Подобные ритуалы отмечает Д.С. Раевский, интерпретируя изображение лучников на бляшках из Куль-Обы (Раевский, 1981. С. 46). В.Я. Петрухин видит отражение подобного ритуала в изображении на ритоне из Черной могилы, которое он интерпретирует как эпический мотив борьбы кагана с соперником (Петрухин, 1995. С. 181–193).

Вероятнее всего, можно согласиться с атрибуцией погребений со стрелами как “дружинных” при условии сочетания стрел с предметами “дружинной культуры”. Это предположение подтверждают два обстоятельства:

1. Сочетание в погребальном инвентаре одиночных стрел с предметами “дружинной культуры” встречается только на крупных “дружинных” или принадлежащих раннегородским центрам могильниках (Гнездово, Шестовицы, Ярославское Поволжье). Погребения, содержащие в инвентаре из предметов вооружения только стрелы, и включающие также детали поясной гарнитуры или торговый инвентарь, не встречаются за пределами указанных могильников, т.е., в стороне от

Днепровско-Балтийского и Волжско-Балтийского торгово-коммуникационных путей. Такого сочетания нет даже в богатом на воинские погребения Юго-Восточном Приладожье³.

2. В тех случаях когда одиночные стрелы сочетаются с деталями поясной гарнитуры, в инвентаре погребений содержится как правило две и более стрел. В Гнездово из 11 случаев такого сочетания только в двух курганах (Ц-40 и Абр. 1905/12) содержится по одной стреле; в остальных случаях – от двух до пяти (для Гнездово В.В. Мурашева отмечает, что наборные пояса в целом коррелируют в первую очередь именно со стрелами (Мурашева, 1993. С. 33–35)). В Шестовицах из 6 случаев такого сочетания одна стрела присутствует лишь в кург. № 40; в остальных случаях – по две. В Ярославском Поволжье случаев подобного сочетания практически нет, поскольку там интересующие нас курганы содержат в основном по одной стреле. На материалах Киева каких-либо закономерностей в этом отношении проследить не удастся.

В связи с указанными особенностями, вероятно, вполне возможно отнести те погребения Гнездова, Шестовиц и Ярославского Поволжья, в которых помимо стрел содержатся предметы “дружинной культуры”, к дружинной среде. В этих случаях стрелы, как отмечено выше, выполняют роль социальных индикаторов, указывая то место, которое занимал погребенный в социальной концепции общества.

В остальных случаях атрибутировать погребения с одиночными стрелами как воинские бывает довольно трудно (если эти погребения не содержат предметы “дружинной культуры”). Безусловно, каждый такой комплекс необходимо рассматривать индивидуально, исходя из региональных особенностей расположения могильников и их внутренней социальной топографии.

Из общего массива погребений со стрелами можно выделить ряд курганов, в которых присутствие стрел продиктовано не социальной принадлежностью умерших, а определенными мифологическими представлениями и защитными ритуалами. Защитная функция стрел (и острых металлических предметов в целом) уже была рассмотрена выше на этнографических материалах и в сообщениях письменных источников. В рассматриваемой выборке погребений можно выделить несколько случаев, в которых стрелы несут именно такую семиотическую нагрузку.

Эти погребения всегда лежат в стороне от торговых путей и раннегородских центров. Почти во всех случаях они малоинвентарны или безынвентарны. Большая часть их относится к XI в., но при

³ В нашей выборке исключение составляет только могильник Балдино кург. № 495, содержащий помимо наконечника стрелы два бронзовых наконечника пояса, пряжки и два бронзовых поясных кольца (Кочкуркина, 1989. С. 108).

этом в некоторых случаях защитную функцию металлических предметов можно проследить и на материале погребений X в. (хотя эту роль не всегда выполняют именно стрелы).

Интересующие нас погребения находятся на могильниках правобережья Днепра, в междуречье Стыри и Горыни (Горка Полонная, Теремно, Белев), левобережья Днепра (Демьянка (Гомельская обл.)), а так же, возможно, Тимерево, Петровское, Вахрушево-2 (Юго-Восточное Приладожье) и Гнездово (Поль-6 и Поль-18).

Могильники Горка Полонная, Теремно и Белев были раскопаны Е.Н. Мельник в 1890-х годах. В Горке Полонной в кург. № 7 – женское погребение, ингумация без гроба, в инвентаре присутствовали две бусины у шеи и ромбовидный наконечник стрелы на груди (Мельник, 1902. С. 553). В Теремно в кург. № 5 – ингумация без гроба (выше уровня горизонта) (Мельник, 1902. С. 564), посыпанная углем, в инвентаре – тонкий железный стержень и наконечник стрелы⁴. В Белеве три кургана (№ 13, 19, 33) содержат захоронения в гробу без инвентаря (Мельник, 1902. С. 527, 532). В каждом из погребений находилось по одному наконечнику стрелы. Кург. № 33 содержал женское захоронение.

В могильнике у с. Демьянки Гомельской обл. интересующий нас кург. № 15 содержал ингумацию в могильной яме (2.3 м × 1.1 м × 0.14 м). На костяке, ориентированном головой на запад, сохранилось много древесной трухи, видимо остатки гробовища. Справа от умершего на уровне таза в дно ямы была воткнута наконечником вниз ромбовидная железная стрела (Соловьева, 1967. С. 196).

В Гнездово к интересующим нас курганам с большой долей вероятности можно отнести Поль-6 и Поль-18, содержащие, по предположению Е.В. Каменецкой, погребения детей. Поль-6 – трупосожжение на месте с двумя урнами кальцинированных костей, между которыми находился ромбовидный наконечник стрелы. В погребальный инвентарь входили также нож, железный трёхконечный ледоходный шип и неопределенный железный предмет (Каменецкая, 1991. С. 164, 165). Поль-18 – трупосожжение на месте с урной и погребальным инвентарем: ромбовидный наконечник стрелы, железный ключ, ручка от шкатулки, костыльковая цепочка, неопределенные железный и бронзовый предметы (Каменецкая, 1991. С. 166). Так же как и предыдущий, курган содержал захоронение ребенка.

В Тимерево кург. 302, содержащий, вероятно, женское захоронение (кремация), имел в инвентаре помимо ланцетовидного наконечника стрелы,

две стеклянные и одну сердоликовую бусины, железный гвоздь и лепной неорнаментированный сосуд (Ярославское Поволжье..., 1963. С. 117). В Петровском в интересующем нас кургане № 73 находилось парное захоронение мужчины и женщины (кремация). Мужское захоронение малоинвентарно (венчик лепного сосуда и фрагмент бронзового предмета), женское, помимо наконечника стрелы содержало четыре железных шипа, железное прямоугольное в сечении кольцо, бронзовую шумящую привеску, состоящую из трех касательных окружностей, с подвешенными к ней двумя бутылкообразными привесками, фрагмент еще одной такой же привески, бронзовый бубенчик с крестообразной прорезью, бронзовую овальную фибулу, четыре привески из астрагалов бобра, семь хрустальных бусин и др. (Ярославское Поволжье..., 1963. С. 130). В Михайловском могильнике в кург. № 12/1938 – ингумация женщины 40–50 лет, инвентарь составлял проволоочное кольцо с заходящими концами и два железных крюка у черепа и наконечник стрелы-срезня у ног (Ярославское Поволжье..., 1963. С. 139).

В Юго-Восточном Приладожье кург. № 608 (по: Бранденбург, 1895. С. 131. – СХVII) курганной группы Вахрушево-2 содержал два женских и мужское погребения, два слоя кальцинированных костей и очаг с сосудом и наконечником копья. Мужское погребение, содержащее в инвентаре топор, можно отнести к воинским. Интересующее нас женское погребение (определенное С.И. Кочкуркиной как скандинавское) помимо стрелы содержало так же серебряную пластинчатую гривну, ожерелье из бус и монет, три маленькие подковообразные фибулы, четыре бубенчика, пластинчатый серебряный браслет, серебряный перстень, нож, овальную фибулу (117 ЯП) и остатки ткани (Кочкуркина, 1989. С. 180–182).

Стрелы в инвентаре рассмотренных курганов, вероятно, можно связать с защитными ритуалами. Здесь могло иметь место описанное выше явление “магической ограды” – защита умершего от потусторонних сил при помощи острых железных предметов, когда “магическая ограда” создавалась путем очерчивания стрелой круга вокруг погребенного и помещения затем этой стрелы в погребение.

Наиболее ярко это выражено в погребениях Днепровского Правобережья, на Волини (Горка Полонная, Теремно, Белев). Выделенные на этих территориях погребения со стрелами определенно не могут являться воинскими: они не содержат никакого другого вооружения, кроме стрел, они малоинвентарны или безинвентарны, а в двух случаях женские.

Использование острых железных предметов в защитных целях можно предположить для гораздо более широкого круга памятников правобережья

⁴ К сожалению, Е.Н. Мельник не всегда указывает точное расположение предметов погребального инвентаря.

Приложение. Анализируемая выборка курганов

Могильник	№ в курганной группе	Обряд	Пол/возраст	Количество стрел	
Гнездово	Сок. 1882\4	ТС		1	
	Сок. 1882\28	ТС		3	
	Сок. 1882\32	ТС		1	
	Сок. 1882\84	ТС		1	
	Сок. 1882\95	ТС		1	
	Сок. 1882\101	ТС		3	
	Сок. 1882\97	ТС		2	
	Сок. 1882\103	ТС		7	
	Сок. 1882\112	ТС		2	
	Сиз. 1896\8	ТС		4	
	Сиз. 1896\21	ТС		1-2	
	Л-33	ТС		2	
	Л-44	ТС		1	
	Л-46	ТС		3	
	Л-80	ТС		5	
	Сиз. 1896\18	ТС		2	
	Сиз. 1896\49	ТС		1	
	Сиз. 1896\57	ТС		1	
	Сиз. 1896\64	ТС		1	
	Сиз. 1896\71	ТС		1	
	Сер. 1899\12	ТС		1	
	Сер. 1899\21	ТС		2	
	Сер. 1899\26	ТС		3	
	Сер. 1899\28	ТС		2	
	Сер. 1900\80	ТС		3	
	Ц-3	ТС		3	
	Ц-40	ТС		1	
	Поль-6	ТС		1	
	Поль-18	ТС	реб.(?)	1	
	Поль-60	ТС	реб.(?)	1	
	Поль-83	ТС		1	
	Сер. 1901\91	ТС		1	
	Абр. 1905\12	ТС		1	
	Шестовицы	№ 10	ТСМ		неск.
		№ 15	ТС		
		№ 18\1		м/ж	2
		№ 38\2	ТП	ж/м	2
№ 40		ТСМ	м	1	
№ 102					
Киев	№ 144	ТСМ	м	2	
	№ 37	ТП	м	1	
	№ 106	ТП		1	
Горка Полонная	№ 121	ТС		1	
	№ 7 (Е.Н. Мельник)	ТП	ж	1	
Теремно	№ 5 (Е.Н. Мельник)	ТП		1	
Белев	№ 13 (Е.Н. Мельник)	ТП		1	
	№ 19 (Е.Н. Мельник)	ТП		1	
Гочено	№ 33 (Е.Н. Мельник)	ТП	ж	1	
	№ 1 (П.С. Рыков)	ТП		1	
	№ 56 (П.С. Рыков)	ТП		1	
	№ 16 (Д.Я. Самоквасов)	ТП		1	
	№ 17 (Д.Я. Самоквасов)	ТП		1	

Приложение. Окончание

Могильник	№ в курганной группе	Обряд	Пол/возраст	Количество стрел
	№ 18 (Д.Я. Самоквасов)	тп		2
	№ 19 (Д.Я. Самоквасов)	тп		1
	№ 20 (Д.Я. Самоквасов)	тп		1
	№ 21 (Д.Я. Самоквасов)	тп		1
	№ 22 (Д.Я. Самоквасов)	тп		1
	№ 128 (Д.Я. Самоквасов)	тп		1
Плакун	№ 6 (В.А. Назаренко)	тп(?)	ж	1
Грехов Ручей	№ 10 (И.А. Тихомиров)			1
Ясень	(В.З. Завитневич)			1
Павлов Погост	№ 220M (В.Н. Глазов)	тп	м/ж	1
Калихновщина	№ 310 (В.Н. Глазов)	тс		1
	№ 312 (В.Н. Глазов)	тс		1
Карлуха-1	№ 33	тс		1
Чемихино	№ 327	тс		1
Ганьково-3	№ 448	тс		1
Рочевщина	№ 484	тп	ж	1
Балдино	№ 495	тп		1
Сязнега-1	№ 521	тп	м	1
Сязнега-2	№ 524	тс		1
Сязнега-11	№ 552	тп		1
Вихмязь	№ 566/1.3	тс	м	1
	№ 567	тс	м	7
Кучевский ручей	№ 576	тс	м	1
	№ 577	тс		1
Кирилино	№ 582			2
Вахрушево-2	№ 608	тп		1
Псков	№ 9	тс	ж	1
	№ 63	тс		1
Тимерево	№ 46	тсм		1
	№ 54	тсм	м	1
	№ 171	тсм	м	1
	№ 208	тсс		1
	№ 302	тсм		1
	№ 304	тсм	ж(?)	1
	№ 325/1	тсм	м	1
	№ 360	тсм	м/ж	1
	№ 374	тсм		1
	№ 383	тсм		2
Петровское	№ 59/1	тсм	м	1
	№ 69а	тсм	м	3
	№ 73/2	тп		1
	№ 76	тсм	м/ж	1
	№ 111	тсм		1
Михайловское	№ 2/1897	тсм		1
	№ 11/1898	тсс		1
	№ 12/1938	тсм	м/ж	2
	№ 3/1961	тп	ж	1
	№ 216/1961	тсм		1
Демьянка	№ 15 (Г.Ф. Соловьева)	тсм	м	1
Гуцан		тп		1
		тп		1

Примечание. Сок. – раскопки В.Д. Соколова, Сиз. – раскопки В.И. Сизова, Сер. – раскопки С.И. Сергеева, тс – трупосожжение, тсс – трупосожжение на стороне, тсм – трупосожжение на месте, тп – трупоположение, м – мужское захоронение, ж – женское захоронение, реб. – захоронение ребенка.

Днепра. Е.Н. Мельник для Волини и В.В. Хвойко для древлянских и киевских территорий указывали в качестве распространенной черты погребального обряда “втыкание” гвоздей в землю рядом с погребенными. Е.Н. Мельник отдельно отмечала, что в некоторых погребениях Волини помещены гвозди по контурам тела погребенного (у локтей и кистей рук, у колен) (Мельник, 1902. С. 532 – 540). Отмечая подобную особенность для древлянских территорий и имея в виду особенность положения гвоздей, В.В. Хвойко предположил, что ими прибавали к земле какую-то рогожку над телом погребенного (Каргер, 1958. С. 156). Отсутствие точных указаний на расположение гвоздей не дает нам возможности уверенно сказать были гвозди в данном случае остатками гробовища или же выполняли защитную функцию.

Дополнительные подтверждения высказанному предположению о защитной функции стрел можно увидеть на материалах могильника у с. Демьянки. В кург. № 4 (женское погребение), в центре кострища в землю был воткнут железный серп (Соловьева, 1967. С. 189, 190). Погребение датировано автором раскопок X в. В кургане № 23 того же могильника в дно могильной ямы, где была похоронена девочка, были воткнуты два железных ножа (Соловьева, 1967. С. 197). Здесь острые железные предметы в сочетании с ритуалом втыкания их в землю могут быть предположительно определены как защитные.

В связи с последними примерами необходимо учесть в целом роль ритуала втыкания в общеславянских мифологических представлениях. Согласно этим представлениям, “с помощью втыкания в землю определенный участок культурного пространства ограждают от проникновения злых сил” (Славянские древности..., 1995. С. 458).

Подобные ритуалы дожили и до последнего времени. Во Фракии болгары заколачивают гвоздь в доме на месте, где находилась голова покойника. В Западной Болгарии, после выноса лежавшего на полу мертвеца, заколачивали гвоздь туда, где была голова покойника, а на шляпку гвоздя клали топор. У сербов, македонцев и украинцев отмечен обычай забивать гвоздь в доме после выноса покойника на том месте, где он лежал (Славянские древности..., 1995. С. 493, 494).

Использование острых железных предметов в качестве оберегов отмечено на некоторых катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры (Плетнева, 1989. С. 192; Аксенов, 2002. С. 99).

При попытке определить субъекты воздействия защитных функций острых металлических предметов особенно интересны два случая с погребениями детей на могильнике у с. Демьянки (кург. № 11, 23), поскольку они имеют смысловые аналогии с курганами Польша и Польша-18, где также погребены дети и где стрелы в погребальном

инвентаре тоже могут иметь защитную функцию. Здесь уместно будет вспомнить описанные выше этнографические наблюдения конца XIX в. (защита младенцев от злых сил при помощи острых предметов).

Можно предположить, что наиболее часто железные предметы (в частности, стрелы) в их защитной функции использованы также в женских погребениях (женские погребения Горки Полонной и Теремно, Тимерева, Петровского, Михайловского, Вахрушево-2, Демьянки). Обращаясь к этнографическим параллелям, в связи с этим можно вспомнить, что при свадебных обрядах магические действия стрелой производились прежде всего с невестой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдусин Д.А. Отчет о раскопках гнездовских курганов в 1949 г. // МИСО. 1952. Вып. 1.
- Авдусин Д.А. Отчет о раскопках гнездовских курганов // МИСО. 1957. Вып. 2.
- Авдусин Д.А. Отчет о раскопках в Гнездове в 1957–1960 гг. // МИСО. 1970. Вып. 7.
- Аксенов В.С. Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры // РА. 2002. № 3.
- Алешковский М.Х. Курганы русских дружинников XI – XIII вв. // СА. 1960. № 1.
- Антонович В.Б. Древности Юго-Западного края. Раскопки в стране древлян // МАР. 1893. № 11.
- Байбурин А.К. Семиотический статус вещей // Сборник музея антропологии и этнографии. Л., 1981. Вып. XXXVII.
- Бліфельд Д.І. Давньоруськи пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977. № 18.
- Бранденбург Н.Е. Курганы Южного Приладожья // МАР. 1895.
- Веселовский Н.И. Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение // ЗВОРАО. 1921. Т. 25. Вып. 1–4. Пб., 1921.
- Горский А.А. Древнерусская дружина. М., 1989.
- Гуревич А.Я. Избранные труды. Т. 1. М.; СПб., 1999.
- Иваницкий Н.А. Материалы по этнографии Вологодской губ. // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. Вып. II. М., 1890.
- Иванов В.В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
- Каинов С.Ю. Оружие Гнездовского археологического комплекса. Дипломная работа. Кафедра археологии МГУ. М., 1996.
- Каменецкая Е.В. Заольшанская курганная группа Гнездова // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города). М., 1991.
- Каргер М.К. Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1958.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.

- Кочуркина С.И., Линевский А.М.* Курганы летописной веси X–XI вв. Петрозаводск, 1985.
- Кочуркина С.И.* Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск, 1989.
- Лабутин И.К., Кильдюшевский В.И., Урьева А.Ф.* Древнерусский некрополь Пскова (по раскопкам 1976 г.) // КСИА. 1981. № 166.
- Лавонен Н.А.* О древних магических оберегах // Фольклор и этнография. Л., 1977.
- Макаров Н.А.* Магические обряды при сокрытии клада на Руси // СА. 1981. № 4.
- Мельник Е.Н.* Раскопки в земле лучан. // Тр. XI АС. Т. 1. М., 1902.
- Милютина Н.Н.* О погребениях древнерусского некрополя Пскова // РА. 1996. № 3.
- Мурашева В.В.* Семиотический статус пояса в средневековой Руси // Средневековые древности Восточной Европы. Тр. ГИМ. 1993. Вып. 82.
- Назаренко В.А.* Могильник в урочище Плакун // Средневековая Ладога. Л., 1985.
- Ольховский В.С.* Погребальная обрядность и социологические реконструкции // РА. 1995. № 2.
- Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. М., 1995.
- Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Социальная реальность – идеология – погребальный комплекс (к проблеме соотношения) // Конференция “Идеологические представления древних обществ”. Тез. докл. М., 1980.
- Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.
- Повесть временных лет. СПб, 1996.
- Пушкина Т.А.* Торговый инвентарь из курганов Смоленского Поднепровья // Смоленск и Гнездово. М., 1990.
- Пушкина Т.А.* Новый гнездовский клад // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 г. М., 1996.
- Пушкина Т.А.* Первые гнездовские клады: история открытия и состав // Историческая археология. М., 1998.
- Рыков П.С.* Отчет о раскопках, произведенных близ с. Гочево Курской губ. Обоянского уезда // Архив ИИМК. 1912. Ф. 1. № 116.
- Раевский Д.С.* Куль-обские лучники // СА. 1981. № 3.
- Самоквасов Д.Я.* Дневник раскопок в окрестностях с. Гочево Обоянского уезда Курской обл. М., 1915.
- Сизов В.И.* Курганы Смоленской губернии // МАР. 1902. № 28.
- Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1. М., 1995.
- Соловьева Г.Ф.* Славянские курганы близ с. Демьянки // СА. 1967. № 1.
- Спицын А.А.* Гдовские курганы в раскопках Глазова // МАР. 1903. № 29.
- Спицын А.А.* Гнездовские курганы в раскопках И.С. Сергеева // ИАК. 1905. № 15.
- Стальсберг А.* О скандинавских погребениях с лодками эпохи викингов на территории Древней Руси // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998.
- Тихомиров М.А.* Дневник раскопок, произведенных в Угличском уезде на Греховом ручье // Архив ИИМК. 1900. Ф. 1. № 82.
- Топорков А.Л.* Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989.
- Хангалов М.Н.* Несколько данных для характеристики быта северных бурят // ЭО. 1891. № 3.
- Ширинский С.С.* Указатель материалов курганов, исследованных В.И. Сизовым у д. Гнездово в 1881–1901 гг. // Гнездовский могильник. Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ). Ч. 1. М., 1999.
- Ярославское Поволжье в IX–X вв. М., 1963.

Arrows in the “druzhina barrows” and their function as grave goods

A. A. Fetisov

Summary

The burials furnished with pieces of weaponry are traditionally interpreted as the graves of “druzhina” (the prince’s guard) members, or, more generally, warriors. In the paper the author considers probable functions of one of the categories of grave goods – arrows. The artefacts are regarded in the mythological context of burial rite. Having drawn broad parallels from ethnographic materials and written sources, the author suggests a preliminary characteristic of the group of burials where arrows played the role of social indication, and those where arrows functioned as purely mythological objects endowed with protective function.